

ИЛЬМ о Михаиле Афанасьевиче Булгакове, показанный Центральным телевидением на прошлой неделе, — одно из са-

мых заметных явлений в рубрике «Литературное наследство». Наверное, любое обращение к творчеству и личности Булгакова содержит в себе зерно успеха. Вот отчего, должно быть, театр, графика, кинематограф, чтецкая эстрада все чаще обращаются к наследию этого удивительного писателя, притом процесс только начался, он будет продолжаться.

В этом процессе работа ЦТ (режиссер Дмитрий Чуковский) играет принципиальную роль. Слово Константина Симонова, произнесенное в стенах Библиотеки имени В. И. Ленина, где хранится рукописное наследие Булгакова, слово страстное, благодарное, исполненное постижения глубин творчества, слово, «огнятое» на цветную пленку, которая надолго сбережет мимику, температуру речи и чувства, путь рождения размышлений о Булгакове его младшего современника, — это слово станет некоей точкой отсчета в будущих обращениях самых разных форм искусства к автору «Мастера и Маргариты».

Казалось бы: литературоведение уже и теперь дало нам ряд интересных исследований Булгакова — поэтически с ним созвучных, как, скажем, работы В. Лакшина, или поверяющих гармонию алгеброй, каковы статьи М. Чудаковой. И, однако, сколь замечательны и проникновенны ни были одни, сколь ни лабораторно точны, хоть и сухи другие, наследие Булгакова уж давно испытывает нужду в общении и определенном ориентире, который был бы дан сразу всей разноэтажной аудитории писа-

Писатель и ТВ

МОЗАИКА ДУХА

теля, занимающего особое место в русской советской литературе.

Константин Симонов, председатель комиссии по литературному наследству Булгакова, свято исполняющий этот свой общественный долг, часто предвещающий своим словом газетные, журнальные, книжные булгаковские публикации, тоже немало написал о Михаиле Афанасьевиче. Его статьи не отнесешь к литературоведению, это сама литература, это, быть может, крохи ненаписанного романа о Булгакове, в какой бы форме — маленьких замет, солидных очерков — они до нас ни дошли. Симоновский телефильм сочетает все достоинства «ненаписанного романа» о Булгакове с точным и полновесным исследованием ткани жизни и творчества писателя.

Как будто простейшая съемка: Симонов сидит перед камерой возле булгаковского архива, перебирает папки, тетради, старые корректуры, фотографии, письма, дневниковые записи. Сначала ты и не замечаешь четкой конструкции филь-

ма, не ощущаешь того новаторского жизнеописания, которое ныне все чаще заменяет «беллетризованные биографии» — эссеистического повествования о собственном проникновении в дни и груди замечательного человека. Телевизионная форма этого живого «эссе» — означающего «опыт» — позволяет нам прочитать на экране имена, услышать голоса, увидеть лица тех, с кем повествователь беседовал о своем герое. Свидетели творчества и пути Булгакова, такие разные, перед нами. Машинистка, записывавшая создававшиеся на слух, в блистательной импровизации страницы прозы и драматургии; друзья, коллеги, соседи по театру, по квартире, по литературе — не только физически принявшие участие в фильме, как П. Марков, В. Виленкин, А. Славин, В. Левшин, М. Прудкин, С. Ермолинский, но и цитируемые в ленте А. Фадеев, К. Станиславский, В. Куза.

Симонов раздвинул рамки своего рассказа, установил впечатляющий литературный ряд, в котором явился читателю

Булгаков, — на экране страницы его первых журнальных публикаций рядом с прозой Ольги Форш, со стихами Николая Тихонова.

Конструкция телефильма состоит в мозаичской реконструкции духовной жизни Булгакова. Хотя замечательный видеоряд, куда врезаны киноплёнки булгаковской Москвы, снимки булгаковского Киева, строки, написанные рукой, где летящий почерк странно похож на пушкинский, передает зрителю детали материальной жизни. Однако нет. И интерьер его кабинета, и пустой пролет двора, где (как всегда у классиков) топографически точно идет действие «Мастера и Маргариты», и зимний бульвар у бывших Патриарших прудов, и всепроникающий взгляд жены на предсмертном совместном снимке — только мозаические стеклышки жизни великого духа и дара Булгакова. Симонов составляет их в своем многоцветном панно контрастно, строго, откровенно. Говорит о радостях и печалях, о надеждах, о спорах, о болезни, о встречах, о вере Булгакова в жизнь. Перед нами человек озорной, красивый, смелый, чем-то схожий внешне с персонажами Александра Дейнеки. Перед нами философ, фантаст, патриот, едкий насмешник, романтик, артист, нервный и ранимый поэт... Слушая, как Симонов читает Булгакова, поневоле вспоминаешь его чтение собственных стихов — он произносит булгаковские строки с такою же мерой любви и точностью цели.

Как замечательно. Неужели истек всего лишь час? Оказывается, вот каким емким бывает время...

Александра ПИСТУНОВА

Мст. Пресня, 1978, 1 ден.